

От созерцания к действию (тезисы)

1. Единство природного и социального

Подобные идеи начинают активно циркулировать уже в XIX веке. Этот подход связан с именем П.А. Кропоткина. Кропоткин считает возможным отстаивать безусловную правоту анархизма в том, что он рассматривает «изучение общественных учреждений как один из отделов естественных наук; что он распрощался навсегда с метафизикой и взял себе в качестве метода мышления тот метод, который послужил к созданию современной науки и материалистической философии нашей эпохи» (URL: <https://history.wikireading.ru/50627>). Так, по убеждению Кропоткина, складывается триединство идей анархии, коммунизма и научного метода.

Метафизическая философия как удвоение: удвоение мира рефлексией, естественного – символическим вообще и оценочным в частности. О том, что природное и символическое не противостоят друг другу, можно прочесть у Катрин Малабу (см. статью «Жизнь одна», где возвещается новый материализм, утверждающий «совпадение символического и биологического»), а о морали убедительно пишет все тот же Кропоткин. Нравственность, по Кропоткину, общественна (унаследованная привычка общительности), естественна (проистекает из взаимной помощи) и безоценочна («нравственный человек» лишь удовлетворяет требования своей природы, но в этом же заключается «сознание человеком своей силы: избыток энергии, избыток сил, стремящийся выразиться в действии») (см. лекцию 1920 г. «Справедливость и нравственность»).

Как это связано с современным положением вещей? Антропоцен, постгуманизм (но еще раньше – «смерть человека» по Фуко и др.).

Материализм как вариант бессубъектной философии существует с давних времен, хотя и был маргинализован метафизикой. Пример: досократические теории стихий как объяснение иной логики взаимодействий по сравнению с причинно-следственной связью; продуктивность этих идей для объяснения технологического мира, где техника становится не чем иным, как формой чувственности человека. Для описания такого мира нужны другие способы концептуализации, которые мы находим *ad marginem*, то есть буквально «на полях», метафизической традиции. Но об этом в пункте 3.

2. Образы действия: революция, поступок

1) Революция как трансформация самой социальной материи. Кропоткин о действии.

Действие заразительно, его совершают «застрельщики». Действие должно пройти «через горнило толпы и улицы» и найти для себя эквивалент «в каком-нибудь простом кратком выражении, которое бы стало народным достоянием» – идея перформатива («Бунтовской дух», 1905). Именно действие «порождает идеи», а вовсе не наоборот. Идея революции не является изобретением ученых: сами угнетенные своими попытками сбросить ярмо угнетателей привлекли внимание ученых к общественной морали. Благодаря действию идеи распространяются по миру. Но что это за действие? «Наше действие должно быть постоянным бунтом, посредством слова, посредством письма, посредством кинжала, ружья, динамита и иногда даже посредством избирательного бюллетеня... Мы последовательны, и мы используем любое орудие, когда дело доходит до мятежа (*frapper en révoltés*)» («Le Révolté», 25 декабря 1880 г.).

Некролог Дарвину («Le Révolté», 29 апреля 1882 г.): переход от природного к социальному. Многообразие живого есть результат действия «физических сил»; в «борьбе за выживание» побеждает тот, кто производит и изобретает, кто солидарен с другими, демонстрируя инстинкт общительности; эксплуатация как ресурсов, так и человека человеком противоречит самому (анархо-коммунистическому) порядку вещей.

2) Инициатива поступка по отношению к смыслу. Бахтин о «нудительной силе» поступка.

Поступок не требует никакого внешнего себе обоснования. Более того, разделение поступка на его «объективный смысл и субъективный процесс свершения» не учитывает главного, а именно «синтетической правды» поступка. Ответственный поступок устраняет неизбежное разделение двух миров – мира культуры, где действие всегда объективировано, и мира жизни, где оно и совершается. Ответственность – внутренний закон поступка, благодаря которому мы можем разом отбросить представление о поступке как о чем-то субъективном и психологическом и утвердить тот «единый план», в котором только его и следует рассматривать. (Единый план поступка преодолевает разобщенность таких категорий, как смысл и факт, общее и индивидуальное, реальное и идеальное.)

3. Способ «записи» действия

Образ, динамический знак как элементы новой семиотики – семиотики сил. Материя сообщает о своих трансформациях через набор корреляций.

Тут уместно вспомнить материалистическое понимание образа, предложенное в свое время Спинозой: образ вещи (или, говоря по-другому, идея) – это идея состояний человеческого тела. Образы можно понимать как «телесные следы», «следы внешнего тела на нашем теле» (Ж. Делёз). Эта идея следа, отпечатка как следа взаимодействия, иными словами, приводящего к трансформации столкновения очень важна.

Если обратиться к примеру современного искусства, понимаемого в терминах действия или вторжения (акционизм, интервенционизм и др.), то оно фактически приводит к переопределению образа в спинозианском духе. Оно само формирует отношения, дает толчок новым связям, при этом растворяясь в них. Когда я говорю «растворяюсь», я имею в виду, что между ним и системой отношений нет больше посредника в лице изображения. Вместо этого современное искусство имеет дело со знаками, но понятыми в специфическом ключе.

Можно сказать, что современное искусство производит и исследует «индексы». «An *Index* is a sign which refers to the Object that it denotes by virtue of being really affected by that Object» («*Индекс* – это знак, отсылающий к обозначаемому им объекту благодаря тому, что этот объект оказывает на него реальное воздействие») (Ч.С. Пирс; «...it is the actual modification of it by the object»). Знак трансформируется самим объектом или, точнее выражаясь, участвует в трансформации наряду с объектом, который меняется сам. Но индекс – лишь элемент троичной структуры, каковой отмечен всякий знак.

Сегодня вообще пирсовская модель знака становится по-настоящему релевантной для описания имеющих место трансформаций. Например, актуальное искусство фиксирует встречу с миром (как того хотел авангард), но не изобретает новой системы записи для этой встречи, а вместо этого ее лишь проявляет. И знак – это то, что является следом встречи, то есть произошедшего взаимодействия: через организацию подлежащих означиванию разнородных элементов он делает видимым только этот «смысл». У него нет

никакого трансцендентного измерения, и он по своей природе динамичен, то есть вписывается в движение других таких же знаков, которое нельзя остановить.

Е.П.